

Пушкин и социалистический народ

Столетие отделяет нас от того дня, когда рукой ставленника дворянской реакции Дантеса был убит величайший русский поэт — Пушкин. Это столетие было столетием упорной борьбы вокруг имени Пушкина, борьбы за право владения его творческим наследием. Как велика была действенная сила этого наследия, врагам поэта, поставившим его под пистолет убийцы, стало ясно на другой же день после его смерти: об этом достаточно красноречиво говорила та прокатившаяся по всей стране волна народного гнева, которая была вызвана вестью об убийстве поэта.

На другой же день после его смерти стало ясно, что никакими насильственными мерами не удастся вытравить в сознании народа память о нем. Можно было украсть у народа его прах, можно было сделать запретным его имя. Но его творческое дело было бессмертно, недоступно ни для каких насильственных мер.

Пушкинское наследие оказывалось непобедимым. Оставалось другое: сделать все возможное, чтобы обезвредить его, чтобы выхолостить из него все то, благодаря чему Пушкин и после своей физической смерти оставался так же опасен для своих врагов, как опасен был для них при жизни.

Десятки лет идейные слуги эксплуататорских классов трудились над выполнением этого задания. Не было такой лжи, такой клеветы, которой пренебрегли бы они в своей фальсификаторской работе. Неприемимый враг всякого застоя, всякой косности, Пушкин изображался как проповедник смирения и покорности. Материалист и атеист, непоколебимо убежденный во всеокрушающей силе человеческого разума, он объявлялся мистиком и тайновидцем. Правдивейший художник, творчество которого было тысячью нитей связано с жизненной действительностью, напряженно живший всеми интересами своей эпохи, он превращался в жреца чистого искусства, высоко взнесенного над тревогами и треволнениями жизни. Поэт мысли, произведения которого вмещали значительнейшее идейное содержание, он трактовался как мастер, и только как мастер, кругозор которого ограничен чисто техническими вопросами своего мастерства.

Против такого Пушкина, из которого было вытравлено все подлинно пушкинское, творческий облик которого был искажен настолько, что

превращался в свою противоположность, против Пушкина, имя которого писали на своих знаменах потомки тех, кто вложил пистолет в руки его убийцы, — против такого Пушкина не напрасно восставали лучшие представители революционно-демократической мысли прошлого.

Но ни для кого из них — ни для Белинского, ни для Чернышевского, ни для Добролюбова, борьба против этой черной легенды о Пушкине не была борьбой против подлинного, исторически существовавшего Пушкина. Со всей решительностью восставая против лживого, предельно искаженного образа поэта, созданного его фальсификаторами, они противопоставляли ему другой, исторически реальный образ, образ поэта, заслуг которого перед родиной трудно оценить в полной мере.

Они знали, что Пушкин был первым русским поэтом, освободившим искусство от уз тяготевшей над ним мертвенной, схоластической догмы, объявившим жизненную действительность единственным источником художественного творчества, и в этом смысле предвдварившим все дальнейшее развитие русской литературы. Революционные демократы знали, что Пушкин был первым русским поэтом, открывшим человека в искусстве, сделавшим достоянием искусства мир человеческих страстей и переживаний и провозгласившим борьбу за человеческое достоинство одной из основных задач искусства. Они знали, что Пушкин был первым русским поэтом, которому, несмотря на его классовые предрассудки, может быть присвоено звание национального поэта, отобразившего в своих творениях не корыстные интересы отдельных паразитических групп, а жизнь всего народа; писавшего не для развлечения придворной знати, обращавшегося не к узкому кругу знатоков и любителей поэзии, а к нации в целом.

Пушкин — слава русского народа. В Пушкине, в его прекрасном творчестве отразились великая сила народа, глубочайшие творческие способности народных масс, их непреклонная вера в лучшее будущее. Только люди, глубоко чуждые народу, могут презирать его прошлое, не понимая, что 'слабый, «обломовский» народ не мог бы иметь таких гениальных сыновей, как Пушкин.

Не следует забывать, что творческий гений Пушкина расцветал в эпоху самую мрачную, самую тяжелую, когда, казалось, никакого выхода не было. Поражение декабристов, восставших против самодержавия, повергло лучших людей в уныние.

«Душою всех мыслящих людей овладела глубокая грусть, — писал Герцен. — Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением. Поэты, жившие во времена безнадежности и упадка, не поют подобных песен; они не подходят к похоронам».

Эти прекрасные слова глубоко и достойно оценивают значение и роль великого поэта в нашей истории. В самую мрачную эпоху, когда передовые люди не видели просвета в будущее, в глущую ночь николаевской реакции он внушал своим томлящимся в ссылке друзьям надежду, что

Этюд к портрету В. А. Тропинина (1827 г.)

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Он жадно впитывал мысли

... о временах грядущих
Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся.

Он пел свои широкие и звонкие песни в стране, согнувшейся под властью своих кровавых властителей, потому что он был предвестником могучей силы, созревающей на его родине. В его песнях давал знать о себе народ, не поддающийся унынию и безнадежности.

Песни Пушкина поистине были залогом будущего.

Если это трудно было понять раньше, то сейчас, когда будущее стало настоящим, когда русский народ, в братском союзе с другими народами, продолжив лучшие революционные традиции прошлых этапов освободительной борьбы, построил общество, в котором восторжествовали подлинно человеческие отношения, — сейчас это стало неопровержимой истиной.

Тем и дорог, тем и велик, за то и любим вами Пушкин, что задолго до победы народа поэт выразил его силы, его возможности, его стремление к разумной человеческой жизни. Победа народа стала победой Пушкина. История показала, как прав был Пушкин, в тяжелые годы истории русского народа провозгласивший своими песнями великую истину будущего.

Пушкину чужды были «лапотнические» тенденции официальной народности, чужд был квасной патриотизм славянофилов, полагавших, по меткому слову Белинского, что «русский дух дает себя чувствовать только там, где есть зипун, лапти, сивуха и кислая капуста». Пушкин огромное значение придавал просветительской миссии революционной дворянской интеллигенции как общественной группы, наиболее полно эмансипировавшейся от патриархальных старозаветных традиций Домостроя и азиатчины.

Пушкин первый понял, какую богатую сокровищницу представляет собой язык русского народа, первый заговорил на этом языке, сделал его достоянием литературы. Не случайно Ленин вел летоисчисление русского народного языка — «от Пушкина до Горького».

Он первый, задолго до появления профессиональных фольклористов, проявил самый живой интерес к искусству народа, к его чудесным песням и сказкам.

Пой: в часы дорожной скуки,
По дороге в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.

Пушкин задыхался в том одиночестве, на которое он был осужден своим «жестоким веком», он видел, что окружен людьми, безнадежно равнодушными к его искусству, — и настойчиво стремился к созданию всенародного искусства, уходящего своими корнями в народную толщу, искусства, которое было бы понятно и близко народу.

Должно было пройти без малого столетие, чтобы это стремление осуществилось. Только теперь грезившееся Пушкину всенародное искусство стало реальностью. Тем самым длившаяся так долго борьба за Пушкина, за право владения пушкинским искусством, решена историей. Народ, сбросивший веками тяготевший над ним гнет, построивший бесклассовое социалистическое общество в нашей стране, завоевал это право и не уступит его никому.

Победившему в социалистической революции народу по-новому раскрываются смысл и содержание пушкинского наследия и раскрываются так широко и полно, как не могли они раскрыться в условиях классового общества. В этом нет ничего неожиданного, потому что победа социалистической революции обозначает торжество тех самых начал, которые, как далекая путеводная звезда, маячили перед самым поэтом, борьбе за воплощение которых посвятил он всю творческую работу.

Пушкин был страстным бунтарем, протестантом по самой природе своей. Это бунтарство не может быть сведено к прогрессивности его политических позиций. Конечно, его роль в истории русского революционного движения очень значительна. Творчество его связано узами самого кровного родства с декабризмом. На его политических стихотворениях воспитывалось первое поколение русских революционеров:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружью упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел...

Но при всем этом ему было тесно в рамках декабризма. Он шел рука об руку с декабристами в их борьбе против самодержавного деспотизма и крепостничества, он продолжал эту борьбу и после того, как декабристы были разгромлены. Но Пушкин не остановился там, где готовы были остановиться декабристы. Стремление к ликвидации самодержавия и крепостничества сплелось у него с мечтой о полном и совершенном освобождении человеческой личности от какого бы то ни было внешнего принуждения, — мечтой о таких отношениях между людьми, какие могут быть осуществлены только в бесклассовом социалистическом обществе.

Вот почему нашей современности, нашему настоящему пафос свободы, пронизывающий пушкинское творчество, ближе и понятнее, чем

прошлым поколениям. В нем — этом пафосе — мы видим предвестие того, что для нас стало явью.

Пушкин был художник, и особенно болезненно переживал он судьбы искусства в классовом обществе, лишенного тени самостоятельности, обязанного увеселять тех, кто были господами этого общества, обязанного проповедывать их отношение к жизни, их мораль. Весь его художественный опыт убеждал его в том, что

Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой —
Она в ладоши бьет и хвалит, иль порой,
Неблагодарною кивает головой.

Поэтом особенной остроты и напряженности достигает тот пафос свободы, о котором мы говорим, в пушкинских произведениях, трактующих тему искусства. Эти произведения долго были тем фондом, из которого фальсификаторы Пушкина, пытавшиеся изобразить его идеальным типом чистого поэта, черпали свои аргументы. Даже людей честно и непредубежденно подходивших к Пушкину порою смущали эти произведения — в них видели проповедь ухода от жизни в мир художнических грез и фантазий. Но нас они не могут смутить, — ибо в нашей стране та свобода искусства, за которую боролся великий поэт, перестала быть мечтой и стала действительностью.

Давно еще было сказано, что одним из основных начал пушкинского искусства является присущий ему гуманизм. Это верно, и верно не только в том отношении, что Пушкин был первым поэтом в России, открывшим искусству сложный и многообразный мир человеческих чувствований и переживаний. Пушкин является одним из величайших представителей гуманистического искусства и в том смысле, что его творчество явилось предвестием нового человека — человека будущего, щедро наделенного всеми подлинно человеческими качествами, чуждого какой бы то ни было ущемленности, уверенного в жизни, человека, отношение которого к миру отмечено знаком высшей творческой революционной активности. Эти гуманистические тенденции пушкинского творчества звучат в наши дни сильнее, чем когда-либо, ибо этот новый человек, о котором мечтал Пушкин, рождается на наших глазах.

Белинский говорил когда-то об «Евгении Онегине», как об энциклопедии русской жизни. Эта классическая формула является в высшей степени верной и тонкой характеристикой не только этого романа, но и пушкинского творчества в целом. Безоговорочно может быть применено ко всему пушкинскому творчеству и то, что дальше говорит Белинский о пушкинском романе: «Пусть идет время и приводит с собой новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет «Онегина»: как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненный любви и благодарности взор...

Да, как бы далеко ни ушли мы от того времени, когда создавался «Евгений Онегин», когда создавались другие великие творения Пушкина, наша любовь и благодарность к нему не исчезнут. Не исчезнут, ибо в пушкинском творчестве, как в некотором фокусе, отразилась вся наша великая и прекрасная родина. Великая социалистическая революция научила нас любить эту родину и дорожить этой родиной. Она учит нас по-новому любить Пушкина и дорожить его творческим наследием.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
П Е Р В А Я

Г О С Л И Т И З Д А Т
1 9 · Я Н В А Р Ь · 3 7